

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ МЕЖДУ ЦИФРОЙ И СМЫСЛОМ: К ВОПРОСУ О РОЛИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном мире цифровой культуры все острее стоит вопрос о будущем гуманитарного знания. Критики традиционной гуманитаристики упрекают ее в неэффективности и неспособности приспособиться к современному обществу; сторонники утверждают, что именно гуманитарное знание, соединенное с практикой, может помочь в решении проблем цифрового общества. В статье рассматривается несколько взаимосвязанных аспектов этой проблемы, в том числе вопросы критической оценки технических систем, взаимодействия гуманитарного и технического знания, роли цифровой культуры и цифрового позитивизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровая культура; гуманитарное знание; гуманитарные науки; цифровой позитивизм; цифровое общество; интернет; цифровая гуманитаристика.

В последние годы техноутопический оптимизм периода господства так называемой «идеологии Силиконовой долины» сменился столь же явно выраженным технопессимизмом по отношению к будущему цифровых технологий и в особенности к их социокультурным последствиям. «Нигилизм платформ» — так назвал современное состояние цифровой среды Гирт Ловинк, диагностирующий симптомы разочарования и пессимизма, подозрения по отношению к ближним и отдаленным последствиям цифровой революции, ощущение стагнации и социального отчуждения, порождаемое современными онлайн-платформами.

Однако разочарование в цифровых технологиях, испытываемое поколением, заставшим их триумфальное пришествие, не означает отказа от этих технологий. Напротив, мы переживаем период их натурализации, растворения в повседневной жизни, в экономической и политической реальности, в формах общения и в особенностях социализации и инкультурации новых поколений. Такая натурализация заметна уже на уровне языка. Целый ряд понятий и терминов, созданных для описания новой цифровой реальности в период ее возникновения, в настоящее время либо быстро устаревают, либо уже вышли из употребления. Можно ли сейчас говорить о цифровых технологиях как о «новых медиа»? Очевидно, что понятие «новых медиа» столь же проблематично, сколь и понятие «позднего капитализма». Понятие «виртуальной реальности» заняло строго определенную технологическую нишу и перестало обозначать цифровую реальность в целом — совершенно закономерное развитие в ситуации, когда различные формы цифровизации являются неотъемлемой частью повседневной жизни.

СТЕПАНЧУК Юлия Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: j.a.stepanchuk@urfu.ru).

© Степанчук Ю. А., 2020

Термин Web 2.0, популярный в 2000-х гг., вышел из употребления, а попытки заменить его понятием Web 3.0 не прижились — возможно, потому что само понятие веба, интернета как единой сети тоже медленно, но верно утрачивает смысл. Фрагментация интернета по языковым, национальным, политическим границам, с одной стороны, и его монополизация онлайн-платформами — с другой, меняют цифровую реальность до неузнаваемости, делая термины, введенные предыдущим поколением исследователей, устаревшими. «Окружающая нас среда и условия ее функционирования радикально трансформировались, но наше понимание этой новой динамики существенно запаздывает» [5].

Гуманитарное знание и модерность: циклы противоречий

Проблемы в отношениях между гуманитарным знанием и модерностью возникли практически с самого начала модернизационных процессов. За последние два столетия мы наблюдали не раз витки и циклы этого противостояния: крен в сторону той или иной формы позитивизма и/или технократизма сменялся резко антипозитивистской реакцией; социологический и бихевиористский крен сменялся периодами «больших теорий» и утопических ожиданий, направленных против утилитарного, технологического характера современного общества. В XIX в. эта борьба разворачивалась на фоне развития классического капитализма и первой волны научно-технической революции и привела к знаменитым антимодернистским настроениям конца XIX — начала XX в. Доминирование технократии и корпоративного капитализма в 1960-х гг. вызвало культурный протест, взлет новой волны «больших теорий», направленных на борьбу с «системой».

В этих витках противостояния мы видим раз за разом, как позитивизм проигрывал антипозитивистской критике *в теории*, но побеждал на практике, уходя за пределы академической науки — в сферу рынка, экономики, политических технологий. Оптимистический позитивизм XIX в. был давным-давно разгромлен в теории, однако проявился на практике в техноутопизме раннего витка цифровой революции, оказав идеологическое и практическое влияние на те формы, в которых эта революция осуществлялась. Бихевиоризм был объявлен устаревшим уже в 1960-е гг., однако оказался востребованным в рекламе, дизайне видеоигр и компьютерных платформ. Дискурс естественных наук, несмотря на усилия по его деконструкции, продолжает развиваться и оказывать всестороннее влияние на современные общества. Оглядываясь на опыт XX в., приходится признать, что гуманитарная критика технологического общества часто носила характер магического действия: окружая тревожные явления общества модерности ореолом изошренных вербальных конструкций, она стремилась одомашнить их и утвердить свою власть над ними с помощью речевых формул, ритуальных повторов, языковых заклятий.

В настоящее время развитие «капитализма платформ» [1], «общества цифрового надзора» и экономики больших данных способствует новому витку противостояния между технократией и гуманистической критикой. С одной стороны, в корпоративной и институциональной среде все больше доминируют новые

формы цифрового позитивизма и технократии. С другой стороны, растущее недовольство теми формами, которые принимает цифровое общество, создает плодотворную почву для новых форм антипозитивистской критики, гуманитарного протеста, культурного экспериментирования. Есть явные признаки того, что этот этап уже начался. Среди них — растущая роль дискуссий о роли цифровых технологий в обществе, где оценка этих технологий происходит с внетехнократических позиций, опираясь на традиционное для гуманитарного взгляда «понимающее» отношение, стремясь сделать «человеческий фактор» неотъемлемой частью подобного разговора.

Однако существенное отличие нынешней ситуации от сходных процессов прошлого века заключается в явной нехватке «больших теорий», пришедших из области гуманитарных наук. Если в XX в. гуманитарии активно стремились участвовать в подобных волнах протеста, снабдить их концептуальным аппаратом, даже возглавить их, в современных общественных движениях — таких как энвайронментализм, движения за цифровое равенство, новые формы борьбы за гендерное равноправие — голоса теоретиков-гуманитариев, за редким исключением, в лучшем случае периферийны. При этом, однако, мы часто слышим призывы к переосмыслению роли гуманитарных наук в современном мире, разговоры о значимости гуманитарной точки зрения, способной помочь в преодолении рисков и проблем цифрового общества.

Цифровой позитивизм и гуманитарное знание

Характерным проявлением современного состояния научного знания становится влияние цифрового позитивизма на те вопросы, которые ставят перед собой современные гуманитарии, и те методы, которыми они пользуются. В современной академической среде это происходит в форме все большей социологизации, давления эмпирически-ориентированных форматов представления научного знания и внедрения количественных и цифровых методов исследования.

В центре этого процесса находится идея, пришедшая из экономики больших данных, — идея, столь же соблазнительная, сколь и опасная для дисциплин социального и культурологического цикла. Это идея автоматического производства смысла из массива данных, утверждение, что теории излишни, если у нас имеется достаточно большое количества данных и достаточно изощренные алгоритмы для их обработки. Аргументы в пользу этой идеи формулируются как в традиционной позитивистской парадигме (подвергнуть точному эмпирическому анализу области, традиционно менее точные), так и в форме энтузиазма по поводу новых горизонтов, которые подобные методы могут открыть гуманитариям (оправдать их существование, создать новые междисциплинарные подходы, произвести революцию в традиционных дисциплинах и т. д.).

Как пишет современный исследователь цифровой культуры Гирт Ловинк, «...от цифровой гуманитаристики до науки о данных мы видим, что исследования сетевых структур уходят от вопросов “почему?”, “что?” и “кто?”, предпочитая не выходить за пределы вопроса “как?”... Новое поколение

исследователей-гуманитариев соблазняется ловушкой больших данных, увлекаясь отслеживанием поведения пользователей и производя увлекательные картинки для жадной до образов аудитории» [5, 25]. В результате задача понимания перекладывается на математические алгоритмы анализа цифровых данных, а смысл, как кажется, должен возникать сам собой.

Огромное давление со стороны технических и естественных наук ощущается уже на уровне формата научных публикаций. Многочисленные зарубежные — а зачастую уже и отечественные — журналы, требующие от авторов статей, отвечающих нормам естественно-научных и технических публикаций (со стандартными разделами «методы», «результаты», заданными рубриками и т. д.), делают это под давлением требований технических систем цифровой публикации и индексации, которые, в свою очередь, используют форматы естественных и технических наук в качестве стандарта. Уже более десяти лет назад американский философ Йен Богост протестовал против навязывания гуманитариям форматов статей, заимствованных из технических наук, утверждая, что для гуманитарных дисциплин подобный формат «в лучшем случае неудобен, в худшем — опасен» [4]. Очевидная мысль, что невозможно требовать от гуманитарных дисциплин соответствия формату технических дисциплин, разбивается о прессинг со стороны издательств-монополистов, международных индексов и автоматических систем обработки контента. Несомненно, однако, что подобная структура публикации, навязанная внешними условиями, влияет как на стиль, так и на содержание гуманитарных статей. Возможно, она повлияет (или уже влияет) на сам характер гуманитарного знания, постепенно подрывая владение способами аргументации и изложения, характерными для гуманитарных наук. Однако все эти разнообразные реальные и возможные последствия не изучаются и не ставятся под вопрос.

Данная ситуация — один из симптомов всепроникающего влияния цифрового позитивизма. Характерно, что влияние естественно-научного и технического знания на гуманитарное реализуется здесь не столько на уровне содержания (вопроса о научных методах, специфике разных областей знания), о которых так много спорили сто и более лет назад, а на уровне формы, опосредованной требованиями технических систем (стандартизация публикации и легкость последующей автоматической обработки массивов научных статей).

Цифровая гуманитаристика: решение проблемы или ее часть?

Одной из попыток ответить на вопрос о новой роли гуманитарных наук в современном обществе можно считать цифровую гуманитаристику (*digital humanities*). Уже само по себе выделение этого направления в отдельную область, пересекающую границы дисциплин, является во многом парадоксальным. С одной стороны, использование компьютеров и количественных методов в целом — это отнюдь не новое или радикальное явление в гуманитарных науках. С этой точки зрения цифровая гуманитаристика может рассматриваться просто как набор новых компьютерно-опосредованных методов работы, применяемых

к традиционным проблемам и задачам гуманитарных дисциплин. Подобные методы далеко не новы и насчитывают уже несколько десятков лет развития.

Однако, с другой стороны, понятие digital humanities несет целый ряд смыслов, выходящих за пределы узкометодологических вопросов. Не случайно этот термин появился в 2004 г., в период перехода от первой версии интернета 1990-х к его нынешним монополюсно-корпоративным, социально ориентированным формам. Популярность термина digital humanities резко возрастает с пришествием темы «больших данных» и алгоритмов. Совершенно очевидно, что именно эти процессы придали импульс выделению цифровой гуманитаристики в отдельную область, и само это выделение носит характер определенного вызова традиционному гуманитарному знанию. По крайней мере, именно так оно часто интерпретируется, как учеными-гуманитариями, работающими в digital humanities, так и теми, кто является непримиримым оппонентом подобных методов¹.

Действительно, мы видим, что в спорах о цифровой гуманитаристике присутствует определенный полемический запал: ее критики обвиняют цифровых гуманитариев в подрыве традиционного гуманитарного знания, а ее сторонники считают, что только массовое внедрение компьютерных методов способно спасти гуманитарные науки от полного упадка и утраты релевантности в современном мире. В основе подобных споров часто просматривается проблема цифрового позитивизма — упомянутый выше вопрос о том, являются ли количественные методы анализа, основанные на математике и статистике, ключом к пониманию всех предметов исследования, даже чисто гуманитарных.

Цифровая гуманитаристика в современном ее состоянии, безусловно, порождает много интересных и оригинальных исследований. Однако способна ли она решить более глобальную проблему смысла существования гуманитарного знания в современном мире, остается вопросом. При изучении многих технически интересных проектов цифровой гуманитаристики складывается ощущение, что они находятся в плену того же цифрового позитивизма: вопрос «зачем?» уходит на задний план, создатели проекта возлагают надежду на то, что достаточное количество данных, обработанное достаточно интересными методами, само породит недостающие смыслы. Разумеется, возможен и путь синтеза — использование данных, полученных цифровыми методами, для постановки и решения классических гуманитарных вопросов, связанных с пониманием, поиском смысла, человеческого измерения и т. д. Однако, по крайней мере пока, подобные синтетические исследования встречаются крайне редко.

Гуманитарные науки: от критики к действию?

Давно уже стало аксиомой утверждение о том, что гуманитарные и технические области отделены друг от друга почти непреодолимым разрывом, что они

¹ Разумеется, среди представителей digital humanities есть и сторонники умеренно-нейтрального использования данного термина, отрицающие его идеологическую нагруженность. Подобные авторы часто полагают, что выделение цифровой гуманитаристики в отдельную область — просто удобный способ преодолеть традиционные институциональные границы и организовать работу междисциплинарных коллективов.

представляют собой совершенно разные культуры, не способные найти общий язык. Однако насколько глубок и непреодолим этот разрыв в реальности? Интересно, что попытки синтезировать техническую и гуманитарную составляющую делались на ранних этапах развития компьютерных технологий, когда их разработка велась главным образом в рамках университетских лабораторий, дававших большие возможности для экспериментирования. Трансформация ранних компьютерных технологий в 1960–1970-е гг., приведшая к появлению компьютеров «с человеческим лицом», — что и сделало со временем возможной массовую компьютерную революцию — проходила под знаком борьбы с доминировавшим «инженерным менталитетом». Такой менталитет был основан на понимании компьютеров как специализированной узкопрофессиональной технологии, доступной немногим специально обученным профессионалам: «...в конце 1960-х любые разговоры об интерактивных компьютерах отвергались инженерным сообществом как пустая болтовня о “человеческом измерении”» [3, 77].

Тем не менее именно использование этого человеческого измерения, его синтез с зарождающимися новыми технологиями сделали возможным радикально новые способы применения компьютеров, которые в результате кардинальным образом изменили современное общество и культуру. На ранних этапах развития компьютерных технологий мы не раз встречали людей, которым удавалось пересекать границу между техническим и гуманитарным, и именно эти люди зачастую стоят у истоков инновационных прорывов в этой области. Одним из таких людей был Дуглас (Дуг) Энгельбарт — инженер, серьезно задумывавшийся о человеческой стороне технологий, создавший собственную философию техники в поисках ответа на вопрос, как развивать технические системы, не игнорируя людей, а включая их в совместную эволюцию с технологиями. Другой известнейший лидер ранней компьютерной революции — Тед Нельсон — подходил к этим вопросам с противоположной стороны. Будучи гуманитарием по складу ума, он видел в грядущей компьютерной революции прежде всего радикальную возможность трансформации человеческой культуры и человеческого духа, создания новых форм знания, мышления, памяти и творчества.

Взгляды этих исследователей, незаслуженно менее известные, чем популярные высказывания Стива Джобса, показывают, что гуманитарное знание и понимание способно оказывать активное воздействие на технологические процессы, на их разработку и внедрение в общество. Однако идеи этих ученых остаются редкими примерами удачного пересечения границы между радикально удаленными друг от друга областями знания. Более того, данные примеры показывают, как важна та социокультурная среда, в которой происходит подобное взаимодействие на стыке дисциплин. И Энгельбарт, и Нельсон смогли оказать столь сильное влияние на развитие новых технологий, потому что среда, в которой они работали, — насыщенная новыми идеями и еще не подчиненная неолиберальному диктату быстрой прибыли и эффективности — создавала благоприятную почву для подобного взаимодействия. Способны ли современные университеты создавать подобную среду — вопрос, чрезвычайно важный для перспектив междисциплинарного взаимодействия.

Применение опыта гуманитарного анализа к современным цифровым системам может перейти на новую ступень как теоретического, так и практического влияния, только если оно избежит соблазна развития по пути критических теорий XX в. и самоизоляции в «критике ради критики». Ситуация «недовольства сетями» приводит к высокой востребованности концептуальных подходов, дискурсов, языков, на которых можно обсуждать существующие проблемы не только внутри академии, но и за ее пределами, в обществе, глубоко обеспокоенном последствиями цифровой революции. Именно эта потенциальная роль гуманитарных наук все чаще обсуждается как в России, так и за рубежом, когда речь идет о скрытом, недостаточно востребованном потенциале гуманитариев в современном обществе.

Гуманитарные формы знания, понимания и критики востребованы в обществе, где, по прогнозам, человеческое измерение может превратиться в новую форму роскоши: на фоне массового внедрения алгоритмов и систем искусственного интеллекта в самые разные сферы жизни именно человеческая оценка, человеческое взаимодействие, человеческое общение может оказаться ценным ресурсом, востребованным современным миром. В данной ситуации гуманитарий-теоретик может превратиться в гуманитария-практика. Очевидной является востребованность гуманитариев в области разработки и внедрения различных цифровых систем, в том числе на основе искусственного интеллекта. Как отмечается современными исследователями, многочисленных проблем с дизайном и функционированием цифровых платформ можно было бы избежать, если бы на стадии их разработки они были подвергнуты гуманитарному анализу, если бы удалось критически оценить новые технологии с точки зрения их человеческих эффектов и последствий, в том числе отдаленных.

Однако этот потенциал гуманитаристики традиционно остается незамеченным и невостребованным. Гораздо чаще во взаимоотношениях «гуманитарий — техника» доминирует пессимистический стиль, сформированный антимодернистской критикой XIX–XX вв. Оборонительная позиция гуманитариев, ощущающих напор модерности как угрозу, приводит к торжеству «апокалиптиков» (по определению Умберто Эко). Однако такое замыкание в крепости «чистоты» гуманитарного знания, его сакрализация, восприятие всего, что нарушает эту чистоту, как «ереси» в современных условиях оказывается ловушкой для гуманитарного знания и его носителей. Занимая подобную позицию, гуманитарии тем самым, иногда сознательно, иногда бессознательно, соглашаются с критикой, направленной против них их многочисленными противниками, обвиняющими гуманитарные науки в бесполезности, неэффективности, пустой трате ресурсов и т. д.

Вот что пишет Михаил Эпштейн: «Величайший парадокс гуманитарных наук состоит в том, что, исследуя творческий потенциал культуры, они в наименьшей степени реализуют этот потенциал в своей собственной деятельности» [2]. Способно ли гуманитарное знание реализовать этот потенциал в современной цифровой реальности — покажет будущее.

1. *Срничек Н.* Капитализм платформ. М., 2019. 171 с.
2. *Эпштейн М.* От знания — к творчеству: как гуманитарные науки могут изменять мир / Центр гуманитарных инициатив. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.it/books?id=qTlqDwAAQBAJ> (дата обращения: 30.12.2019).
3. *Barnet B.* Memory Machines: The Evolution of Hypertext. L., 2013. 166 p.
4. *Bogost, I.* Why I Hate ACM Format [Electronic resource]. URL: http://bogost.com/writing/blog/why_i_hate_acm_format/ (accessed: 30.12.2019).
5. *Lovink G.* Sad by Design: On Platform Nihilism. L., 2019.

Статья поступила в редакцию 02.01.2020 г.